

НОВЫЕ ТИХООКЕАНСКИЕ СТРАТЕГИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ВЛИЯНИЕ «КИТАЙСКОГО ФАКТОРА» НА ОБСТАНОВКУ В ЕВРАЗИИ И АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Алексей Дмитриевич Воскресенский

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 апреля 2018 <i>Принята к печати:</i> 11 мая 2018</p>	<p>Аннотация: В статье подробно анализируется существо состояния нового стратегического момента в регионе и влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подробно анализируются составляющие «китайского фактора», практические последствия анализа, прикладное внешнеполитическое и военно-политическое значение этого вопроса, показано как прикладные вопросы трансформируются в положения внешнеполитических и военных доктрин, определяют практическую внешнюю и военную политику, систему международных связей и их политическую составляющую в регионе. Автор кратко обобщает основные положения региональных доктрин важнейших внешнеполитических игроков в регионе, делает предположения о возможной эволюции и модификации этих доктрин в будущем и формулирует условия, которые определяют практические шаги большинства государств в регионе. В статье также прогнозируется вероятность появления новых тихоокеанских стратегий основных участников международных отношений в регионе и рассматриваются их основные параметры.</p>
<p>Об авторах: д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), профессор, Директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор Кафедры востоковедения, Факультет международных отношений, МГИМО МИД России e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Россия; Китай; КНР; США; Япония; КНДР; Республика Корея; российско-китайские отношения; китайско-американские отношения; корейская ядерная проблема; Азиатско-Тихоокеанский регион; Евразия; Тихоокеанская Азия; Индо-Пасифика; китайская мечта</p>	

Прежде чем анализировать влияние «китайского фактора» на состояние военно-политической обстановки в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), необходимо сформулировать ряд положений, поясняющих важность такого рода анализа в настоящий момент. Прежде всего – новый стратегический момент в международной обстановке связан с ростом Китая. Но не просто с ростом Китая, поскольку реформы и сопутствующий им впечатляющий экономический

рост этой страны происходят уже почти 40 лет. 40 лет экономического роста и реформ КНР китайское руководство конвертировало в усиление влияния Китая на международной арене, а усиление этого влияния стало сказываться на некоторых параметрах региональных порядков. Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис и снизившийся, но не прекращающийся экономический рост китайской экономики, усилили экономическую дифференциацию мирового

пространства, а в некоторых его сегментах стали даже приводить к фрагментированию мирового порядка, существующего с 1990-го года и основанного в значительной степени на международных договоренностях после окончания Второй мировой войны и запущенной в то время экономической модели, получившей название Вашингтонского консенсуса. Правительства практически всех стран сегодня понимают, что необходимо выйти на поиск новой модели стабильного развития и экономического роста. Поиск такой модели роста и развития ведется, но одновременно специалисты и политики стали осознавать неадекватность существующих и предлагаемых моделей экономического роста как либерального, так и кейнсианского типа. Соответственно поиск модели развития трансформировался в необходимость решения практических вопросов стратегического характера:

– можно ли сформировать модель роста на собственной основе и если ответ на этот вопрос – положительный, то какова может быть пространственная ипостась этой основы?

– если в современных экономико-технологических условиях успешную модель роста только на основе национального государства сформировать нельзя, так как она заведомо будет носить ограниченный и неконкурентный характер на международном уровне взаимосвязанных рынков, то до какой степени нужно обеспечивать открытость такой модели и ее кооперационный характер, чтобы гарантировать экономический рост и развитие, а также необходимую степень конкурентности, чтобы обеспечивать хотя бы догоняющий путь развития и необходимую степень политической стабильности? Т.е. до какой степени надо расширять пространственную характеристику экономики роста – до региона, макрорегиона, системы регионов / макрорегионов, связанных интеррегиональными / трансрегиональными связями? Или нужно все-таки совместно конструировать единое глобальное экономическое пространство, максимально отвечающее запросам конкурентного экономического развития?

– для России ответы на эти два вопроса могут носить еще более прагматичный ха-

актер – на кого из существующих в верхнем экономическом эшелоне государств или государственных объединений – США, ЕС или Китай, можно опираться в своем развитии и внешней политике и в какой степени? Можно ли опираться на Китай в условиях кризиса отношений с США и ЕС? Или России опираться в своем развитии вообще не на кого, «кроме армии и флота» и тогда она обречена на историческое экономическое отставание или же на постоянное воспроизводство модели вечного догоняющего развития? Можно ли минимизировать противостояние с другими группировками государств или военное противостояние и политический изоляционизм есть часть экономической политики кейнсианского типа, которая как в СССР при И. Сталине, Л. Брежнев и в США при президенте Р. Рейгане может послужить драйвером национального экономического развития? Какова «цена» такой модели? Надо ли пытаться формировать дипломатические коалиции экономически и технологически значимых государств, чтобы способствовать дальнейшему технологическому перевооружению своей страны, повышению благосостояния населения, имея для осуществления этого курса необходимый уровень политико-экономической стабильности, но не изоляционизма и автаркии, которые блокируют развитие?

Эти вопросы имеют также прикладное внешнеполитическое и военно-политическое значение, они конвертируются в положения внешнеполитических и военных доктрин, практическую внешнюю и военную политику, систему международных связей и их политическую составляющую.

Важно понимание «китайского фактора» и с точки зрения развития не только внешне – , но и внутривнутриполитических процессов в самой России, а также и в более широком политико-экономическом контексте. В связи с этим необходимо понять – станет ли Азия центром мирового экономического, экономико-технологического развития или сосредоточием только геополитических и военно-политических противоречий?

Для того, чтобы определить степень влияния «китайского фактора» на состояние международной и военно-политической

обстановки в Евразии и Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) надо сначала комплексно оценить китайскую модель развития. По этой проблематике существует довольно много литературы экономического и политико-экономического содержания на разных языках и публикуется довольно подробные массивы статистических данных¹. Если суммировать современные оценки китайской модели развития, то можно заключить, что:

- реформы привели к феноменальному успеху Китая, превратив его по ряду параметров из бедного в относительно развитое государство (см. оценки 19 съезда КПК²), но Китай все же пока не превратился в экономический центр мира;

- объема китайского ВВП по ППС и совокупного инновационного потенциала пока все еще недостаточно для того, чтобы определять правила игры в мировой экономике;

- экономический рост в Китае, кризисные явления в экономике США, а затем появление в ней нестабильных повышательных темпов роста недостаточны для того, чтобы однозначно утверждать, что Китай превратился в первую экономику мира, как по абсолютным, так и по относительным показателям, а также по количественным и

качественным характеристикам, заставил мировую экономику полностью переориентироваться на Китай, а США уступили свое военное, политическое и экономическое лидерство;

- не смотря на экономические успехи китайской модели развития, китайский юань (*жэньминьби*) не сможет превратиться в краткосрочной и среднесрочной перспективе в мировую валюту³ и будет ограничен в использовании во внешней торговле и внешнеэкономических сделках мирового уровня, хотя сфера его использования существенно расширяется;

- Китаю пока не удалось переориентировать страны АТР и Юго-Восточной Азии на свою экономику и обеспечить скачкообразное расширение внешнеэкономических связей за счет полной переориентации экономик региона на экономические связи с Китаем;

- военно-политической переориентации стран АТР на Китай также пока не происходит, страны АТР не пошли на полноформатную переориентацию системы своих внешнеполитических и военно-политических партнерств в связи с экономическим ростом Китая, даже не смотря на усиление на них китайского экономического, военно-политического и внешнеполитического давления.

Таким образом, экономические связи стран АТР с Китаем в целом за последнее время не усилились, а по некоторым параметрам они даже застопорились; не происходит их скачкообразного качественного поступательного развития, а перспектива дальнейшего эволюционного развития оказалась затруднена рядом структурных и военно-политических соображений правительств стран АТР; переориентации военно-политических связей стран АТР на Китай не произошло. Однако наблюдается повышение уровня экономического развития части азиатских стран АТР и существенное повышение их благосостояния, в том числе и за счет прагматичного усиления экономи-

¹ Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. – М.: МГИМО Университет, 2016. [Kapitsa, L.M. Indikatory mirovogo razvitiia (Indicators of World Development). Moscow: MGIMO Universitet, 2016.]; См., также к примеру, сопутствующую литературу в книгах Shambaugh, David. China's Future. Malden, Mass.: Polity Press, 2016; Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Malden, Mass.: Polity Press, 2016; Clegg, Jenny. China's Global Strategy. London & New York: Pluto Press, 2009; Yip, George S.; Mckern, Bruce. China's Next Strategic Advantage. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2016; Bergsten, C. Fred and the Institute for International Economics. The United States and the World Economy. Washington, DC: Institute for International Economics, 2005.

² 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 = Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК / CPC.PEOPLE.COM.CN: информационный ресурс «Жэньминь Жибао онлайн». Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (кит./Chinese)

³ Overholt, William H.; Ma Guonan; Chewng Kwok Law. Renminbi Risisng. A New Global Monetary System Emerges. Chichester: John Wiley & Sons, 2016.

ческих связей с Китаем при сохранении существующей системы военно-политических коалиций.

В то же время в регионе возникли две новые тенденции: в последнее время стала формироваться альтернатива китайскому фактору развития, а также начала усиливаться конкуренция моделей политики России и Китая с одной стороны и США, Японии и Индии, с другой. При этом в Китае, как и в России, есть существенный сегмент военно-политической элиты, который хочет не только сохранения существующего уровня военно-политических отношений, но и эволюции этих отношений вплоть до формирования двустороннего военно-политического союза с фиксированием ослабленного экономического положения России. Так, в 2018 г. ВВП России стал незначительно, но меньше, чем ВВП одной китайской провинции Гуандун. Однако этот сегмент военно-политической элиты Китая не отражает интересы большинства в китайском руководстве и не определяет всю внешне- и внутриполитическую политику Китая как в настоящее время, так, по-видимому, и в среднесрочной перспективе.

За последние годы своего развития китайская экономика по показателям ВВП, пересчитанному по ППС, превратилась во вторую экономику мира. Китай по относительной, а также по некоторым параметрам абсолютной комплексной мощи сумел существенно продвинуться вперед. Некоторые высокоавторитетные китайские аналитики, к примеру, Ян Цзэмянь, Ян Цзеци, Янь Сюэтунь и др., а также часть аналитиков, связанных с китайским ВПК и военными учреждениями считают, что Китай по комплексной мощи уже превосходит США, но эта точка зрения не получила выпуклого отражения в докладе Си Цзиньпина на 19 съезде КПК, формулировки которого отражают наиболее взвешенную точку зрения китайского политического и аналитического сообщества. В то же время поскольку Китай будет продолжать нуждаться в российских энергетических ресурсах, чтобы иметь альтернативу ресурсам, контролируемым военно-политическими блоками и коалициями стран Запада, он будет заинтересован

в стабильном поступательном развитии отношений с Россией, продолжит нуждаться в поддержке стран развивающегося мира, чтобы противостоять давлению США, но будет стараться при этом усиливать свое влияние в развивающемся мире и выступать в качестве его неформального лидера. Китай будет продолжать нуждаться в импортных военных и других технологиях и инновациях, в том числе и альтернативного типа, и будет обеспечивать активное внешнеполитическое прикрытие осуществлению политики по импорту зарубежных технологий и инноваций из всех возможных источников и, прежде всего, из развитых стран западной коалиции.

США в настоящее время продолжают относительный нестабильный экономический рост на фоне очень высоких абсолютных показателей экономики и по номинальному ВВП на душу населения останутся на лидирующем месте в мире среди крупных экономик в течение как минимум следующих 5 лет; за последние 20 лет США имеют усредненный рост экономики выше, чем в Германии и Японии, рост производительности труда примерно на 1% выше, чем в Германии, находятся в верхней строчке рейтинга конкурентоспособности «больших государств» с экономиками «полного цикла», стоят на первом месте в мире по патентованию ключевых, в том числе и военных, технологий и обладают военным бюджетом, сравнимым в долларовом эквиваленте с половиной всех мировых расходов на вооружение. Таким образом, США останется, по-видимому, самой большой экономикой мира до 2025 г., а если принять во внимание замедление экономического роста в Китае и возобновившийся рост американской экономики и энергичные усилия президента Д. Трампа исправить торговые дисбалансы с другими странами, то, по-видимому, как минимум до 2030 г., если и не до 2050 г.

Китай и Индия только по размеру (объему) своих экономик стали приближаться к США, альтернативный путь успешного ускоренного качественного развития в новых экономических условиях ими пока не сформирован, или, как минимум, его стратегическая перспектива окончательно не про-

яснена, но Китай при этом за время осуществления реформ в стране в отличие от других крупных держав не только сумел подняться от уровня абсолютной бедности подавляющей массы населения к уровню развитого государства по некоторым параметрам развития, но и мастерски приспособливает свое развитие к существующей мировой системе, существенно повысив свое место в неформальной системе мировых отношений.

В такой ситуации внимание к «китайскому фактору» в регионе АТР обуславливается не только его успехами, но и тем, что Китай стал влиять на условия формирования региональных порядков. Усилилось влияние Китая на некоторые страны Южной Азии и АТР (Пакистан, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Филиппины, Австралия и др.). Китай многими аналитиками и политиками стал рассматриваться как важнейший инструмент развития срединной части континентальной Евразии⁴, и, возможно, региона ЮВА, но все же не как основной источник их экономического процветания. Т.е. в настоящее время региональным аналитикам становится ясно, что основным источником экономического процветания АТР и Азии Китай может и не стать, в то время, как его геополитическое влияние может и будет возрастать, а военно-политическое влияние в некоторых ключевых точках АТР, чрезвычайно важных для Китая (ЮКМ, система о-вов в Индийском океане, о-ва Сенкаку / Дяоюйдао, Токто и др.) может усиливаться.

Это означает, что Китай будет продолжать восприниматься как важный фактор мирового развития, однако пока недоста-

точный для того, чтобы говорить о полноформатной переориентации АТР и даже Восточной Азии на Китай. Продолжится процесс диверсификации и конкуренции моделей успешного развития с опорой, как на США, так и на Китай, а также на внутрирегиональные источники экономического роста не связанные с китайской моделью развития. Таким образом, окончательной поляризации мировой системы в настоящих условиях не будет наблюдаться, китайско-американская конфликтность в ближайшей перспективе все-таки не будет перерастать в открытое противостояние, а конкуренция будет сочетаться с усилением конструктивного сотрудничества США и КНР по ключевым вопросам мировой стабильности, по которым у США и Китая уже наблюдается устойчивый консенсус. Однако официальные представители обеих стран, в отличие от аналитиков и журналистов, будут всячески избегать награждать эти отношения эпитетами «партнерство» / «G-2» и т.д., хотя де-факто их отношения будут дрейфовать именно в эту сторону, вызывая все большее беспокойство у союзников США и, возможно, других стран типа Японии, Индии, России, но при этом обеспечивая стабильность мировой системе.

Для других стран это означает, что чем дольше какая-либо конкретная страна будет иметь возможность сохранять конструктивные отношения с этими двумя главными мировыми геополитическими игроками в условиях их несомненной взаимосвязанности и взаимозависимости, тем более успешной будет ее собственное геоэкономическое продвижение вверх в мировой иерархии и тем больше возможностей у такой страны будет для того, чтобы превратиться в важный конструктивный элемент мировой политики и нарастить свое реальное международное влияние, опираясь не только и не столько на военный потенциал, сколько на конструктивную дипломатию и на геополитические / геоэкономические инструменты развития. В этой связи важно отметить, что успех осуществляемой Д. Трампом и его администрацией политики «демократического национализма», замешанной на изоляционистских тенденциях и при опоре на мень-

⁴ Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина. – М.: ДеЛи плюс, 2016. [Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie dlia Rossii (New Silk Road and Its Significance for Russia) / Ed. by V.E. Petrovsky, A.G. Larin. Moscow: DeLi plus, 2016.]; Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. – М.: ДеЛи плюс, 2017. [Sovremennye rossiiskokitaiskie otnosheniia (Modern Russian-Chinese Relations) / Ed. by S.G. Luzianin, A.G. Larin, E.I. Safronova, I.V. Ushakov, E.V. Belilina. Moscow: DeLi plus, 2017.]

шинство – рабочий класс и низший сегмент среднего класса⁵ – не гарантирован в самих США. Слепое следование этому курсу во внутренней и внешней политике в других социально-политических условиях, особенно в странах с гибридными политическими режимами или «зависшими» на стадии политико-экономического перехода, неизбежно чреваты усилением авторитаризма, изоляционизма, потерей темпов развития и внешнеполитическими потрясениями. При этом политическая система США, в отличие от политических систем многих других стран, все же позволяет успешно корректировать многие крайние проявления трамповского «демократического национализма» в том числе и юридическими способами.

Сомнения региональных аналитиков относительно способности Китая стать источником процветания для стран АТР и Евразии связаны с сомнениями в абсолютной устойчивости существующей модели китайского экономического роста, пока все еще основанной на экспорте и инвестициях, а также с достаточно долгим прогнозируемым реальным сроком перехода китайской экономики на модель внутреннего потребления. На это Китаю, по оценкам независимых экономистов, потребуется не менее 10-15 лет, т.е. существенно больше времени, чем считалось ранее.

Китай впервые за период последних 30 лет испытал сильное сокращение объема внешней торговли и не смог превратиться, как планировалось ранее, в торговую державу №1. В тоже время Китай сумел выдвинуть целый ряд многообещающих инициатив трансрегионального и интеррегионального характера (проекты: Нового Шелкового пути, Морского Шелкового пути, Арктического экономического пояса, V4-Китай внутри ЕС и др.). Однако претворение в жизнь этих проектов потребует долгого времени, больших политических усилий и финансовых затрат, при том, что окончательный успех этих масштабных инициатив отнюдь не гарантирован из-за усложняющегося ха-

рактера мировых процессов. Именно эти причины, в конце концов, объясняют реформативное изменение китайской модели политического управления⁶ в направлении усиления централизации, в частности и путем ликвидации временной ограниченности срока политической деятельности на посту председателя КНР и его заместителя.

19 съезд КПК показал, что китайский руководитель Си Цзиньпин сумел увеличить горизонт политического планирования в Китае до 10-15 лет, хотя и сломал модель коллективного руководства. При этом он обеспечил в условиях отсутствия внутриэлитного консенсуса как минимум шесть вариантов передачи власти новому поколению руководителей Китая, тем самым увеличив ширину своего политического маневра в 2022 г. Однопартийная система при этом, скорее всего, останется основным политическим инструментом сохранения стабильности и развития Китая, хотя в последующий период и будут проводиться структурные реформы с «китайской спецификой», номенклатура мер и диапазон вариативности которых в целом уже более или менее прописаны в документах последнего съезда КПК⁷.

В условиях изменения характера внешней и внутренней политики в США при новом президенте Д. Трампе, подтвердивший свой «мандат на правление» на 19 съезде КПК Си Цзиньпин и его советники использовали весь накопленный с 1979 г. ресурс китайско-американских отношений для нормализации этих отношений в условиях кардинальной смены американского внешнеполитического и внутривосточного курса новой американской администрацией. Важно отметить при этом, что инструменты и каналы, которые использовались для

⁶ Shambaugh, David. *China's Communist Party. Atrophy and Adaptation*. Washington, DC.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

⁷ 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. 2018. № 2. с. 140-159. [19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае (19th National Congress of the Communist Party of China: Internal and External Effects and Prospects of China's Reforms) // *Sravnitel'naiia politika (Comparative Politics Russia)*, 2018, No. 2, pp. 140-159.]

⁵ Mills, Daniel Quinn; Rosefielde, Steven. *The Trump Phenomenon and the Future of US Foreign Policy*. Singapore, London, Chennai, New York: World Scientific, 2016.

этого китайской политической элитой в настоящее время активно деконструируются внутри самой администрации Д. Трампа, чтобы минимизировать китайское влияние и способствовать формированию в будущем более широкой политической поддержки самому Д. Трампу, чтобы не заблокировать ему возможность баллотироваться на второй президентский срок.

Выбранный Д. Трампом акцент на усиление экономических интересов и мощи США (*"America's first"*) в настоящих условиях вполне устраивает Китай, поскольку не педалирует сдерживание Китая и особенно его регионального влияния. Новый акцент Д. Трампа (речь в Парламенте Республики Корея в 2017 г.) на «свободной Индо-Пасифике» как альтернативе «китайской мечте» (*чжунго мэн*) в принципе не должен привести к усилению китайско-американского противостояния в регионе, хотя и чреват усилением ассиметричной конкуренции гибридного типа и опасностью для России маргинализации ее собственной политики в АТР. США провозгласили «новый тип партнерства» с «сильными, независимыми нациями», «без доминирования», основанного на процветании «без зависимости» и «игре по правилам»⁸. В рамках этой стратегии США будут усиливать свои взаимоотношения с Индией, формируя с ней гибридное региональное военно-политическое и экономическое партнерство «мягкого» типа, а начиная с 2018 г. укрепляя его также с Сингапуром, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Австралией.

Концентрация внимания Д. Трампа на ядерной проблеме Корейского полуострова и американской экономике дает возможность развивать китайско-американские отношения в конструктивном для обеих сторон направлении. Таким образом, меньше,

чем за год с момента инаугурации Д. Трампа, коренным образом «перетрясшего» в отличие от предшествующих президентов-республиканцев внутреннюю и внешнюю повестку американской политики, китайская дипломатия сумела стабилизировать китайско-американские отношения и нашла модус конструктивного партнерства с новой американской администрацией, обеспечив не только нормализацию, но в перспективе и достаточно конструктивный характер этих отношений как минимум на весь первый срок президентства Д. Трампа.

Таким образом обстановка в АТР в целом характеризуется следующими моментами:

- сформированная за последние десятилетия система военно-политических связей в регионе вокруг США не только не деформировалась, но парадоксальным образом даже укрепились;

- военно-политической переориентации на Китай в АТР и Евразии пока не происходит, хотя экономическое влияние Китая на некоторые страны АТР и Евразии усилилось кардинальным образом;

- страны АТР-союзники США не пошли на пересмотр своих систем военно-политических партнерств в связи с экономическим ростом Китая и усилением его военно-политического давления;

- китайское дипломатическое воздействие на страны АТР и его военно-политическое влияние в регионе усиливается, но экономические связи в целом перестали усиливаться и не приобретают структурного характера; не происходит пока и заметного качественного изменения этих связей;

- Китай усиливает свое влияние исподволь, используя подчас не совсем легитимные, а иногда и не совсем легальные с точки зрения ряда стран АТР (Австралия, Филиппины, Индия, Япония) способы, и делает это вполне успешно. В тоже время формирование как прокитайской, так и антикитайской коалиций в регионе затруднено рядом объективных и субъективных причин, а других способов усиления своего влияния, не вызывая в ответ явного противодействия ему в регионе, у Китая, объективно говоря, пока не наблюдается;

⁸ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit // *Da Nang*, Vietnam, November 10, 2017; Remarks by the President of the United States to the National Assembly of the Republic of Korea // *Seoul*, Republic of Korea, November 7, 2017. Mode of access: www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/11/07/remarks-president-trump-national-assembly-republic-korea-seoul-public

– постепенно начинает формироваться альтернатива военно-политическому влиянию Китая в АТР. Но эта альтернатива носит неэкономический или военно-политический, а сложный гибридный характер, связанный с поисками альтернативных путей развития, происходит на функциональной основе и с опорой на регионализацию функционального типа. Самостоятельная политическая игра независимых игроков в условиях гибридной альтернативы представляется весьма затруднительной, поскольку требует больших экономических и финансовых вложений;

– в результате развития такой гибридной альтернативы, постепенно и при определенных условиях внутри Большой Восточной Азии⁹ могут сформироваться два типа мезорегионов функционального типа – Индо-Тихоокеанский (Индо-Пасифика), с акцентом на политико-экономическое развитие свободного рыночного типа (причем внешняя политика республиканского президента в регионе будет в целом отличаться от внутриамериканской), и регион китайского проекта «пояса и пути», развитие которого будет основано на продвижении, прежде всего, китайских национально-государственных интересов с опорой на военно-политическое партнерство и прагматичный рыночный интерес, прежде всего, но не в императивном варианте, с политическими режимами авторитарного, патерналистского и консервативного типа. Наличие нескольких параллельных и чрезвычайно масштабных китайских проектов будет затруднять успех каждого из них по отдельности, и кумулятивный эффект от них для Китая с точки зрения его окончательного превращения в новый экономический и геополитический центр мировой системы все еще неочевиден. Одновременно степень внешнеполитической гибкости и прагматизма Китая будет возрастать в рамках осуществления новой китайской доктри-

ны «морального реализма»¹⁰, поскольку они напрямую связаны с необходимостью повышения Китая своей внешней и внутренней конкурентоспособности. Это может привести, в том числе и к существенному усложнению характера российско-китайской внешнеполитической «связки», а внешнеполитические инициативы российской дипломатии в регионе по этой причине могут подвергнуться маргинализации.

При современном состоянии военно-политической обстановки в АТР военно-политические отношения США со своими союзниками в регионе, по-видимому, будут преследовать следующие цели:

С Японией,

– формирование скоординированных отношений взаимозаменяемости исходя из прозрачности для США военно-политических целей Японии – необходимости защиты акватории о-вов Сенкаку, осуществления военно-политической поддержки США на Корейском полуострове и выполнения совместных мирных миссий в соответствии с мандатом ООН;

– скоординированное планирование и использование одного и того же военного оборудования;

– проведение военных маневров, направленных на отработку реальных совместных действий многоформатного характера во всех областях военно-политического сотрудничества;

– осуществление и расширение взаимозаменяемости между частями, осуществляющими оперативное взаимодействие;

– тесное взаимодействие в области ПРО.

С Республикой Корея,

– на основе формирующейся взаимозаменяемости совместная защита от возможных действий наступательного характера северокорейских ВС на Корейском полуострове совместно с 8-ой армией США;

– совместная защита РК от возможных действий наступательного характера северокорейских ВС совместно с 7-ым воздушным флотом США;

– совместное прикрытие военных операций с моря совместно с 7-ым военно-

⁹ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации. М.: МГИМО Университет, 2010. [Bol'shaia Vostochnaia Aziia: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO Universitet, 2010.]

¹⁰ Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017

морским флотом США и 3-им экспедиционным корпусом морской пехоты США;

– совместные военные операции в Аденском заливе, направленные на противодействие международному пиратству и усиление контроля над морскими торговыми путями.

С Австралией,

– укрепление отношений по линии преференциальной безопасности на основе полной взаимодополняемости, но при этом в условиях усиливающегося экономического влияния Китая.

С Республикой Филиппины,

– усиление военно-политической координации.

С Таиландом,

– проведение совместных маневров в условиях сильного экономического влияния Китая.

С Индией,

– расширение военно-политического сотрудничества в условиях оценки индийскими силовыми структурами китайских макрорегиональных проектов как внешнеполитического вызова политике неприсоединения Индии;

– расширение военно-технического сотрудничества с Индией в условиях политики уменьшения зависимости Индии от закупок вооружения в России;

– усиление координации с ВВС и ВМФ Индии.

Основными «болевыми» точками в регионе при таком развитии могут быть: Корейский полуостров, район вокруг о-ва Тайвань и акватория Южно-Китайского моря.

Корейский полуостров

Поскольку нет 100% уверенности, что северокорейский режим обладает ядерным оружием и межконтинентальными средствами его доставки провозглашенного им качества и боеспособности, наличие такого оружия должно быть подтверждено полномасштабными испытаниями как самого оружия, так и его средств доставки. Полномасштабное испытание в той или иной степени затронет соседние с Северной Кореей государства. Так, к примеру, полномасштабное испытание средств доставки приведет

к пересечению этими средствами воздушных пространств соседних государств, а наземные испытания – к землетрясениям или формированию ядерного загрязнения, которое может переноситься ветром. Следовательно, в этих условиях становится важным конкретное внешнеполитическое «поведение» северокорейского режима в связи с полномасштабными испытаниями: будут ли они все же проведены и в какой форме, или северокорейские власти от них откажутся, какой риторикой это будет сопровождаться, к каким последствиям эта политика приведет и т.д. Если такое полномасштабное испытание ядерного оружия и средств доставки будет проведено и подтверждено, что Северная Корея может нанести ядерный удар по крупным городам США (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Вашингтон), причем испытания будут сопровождаться агрессивной риторикой, то это может привести к тому, что в США может быть принято решение о нанесении превентивного удара, в том числе и ядерного. Подтверждение наличия у Северной Кореи миниатюрного ядерного заряда и надежных средств его доставки, способных представлять угрозу для мегаполисов США, будет представлять угрозу и для Японии, поэтому потребует и от нее ответных мер как дипломатического, так и военного характера.

В этих условиях японское руководство считает, что должен быть выработан план по отношению к Северной Корее, этот план должен быть обсужден и утвержден на международном уровне, а Северная Корея должна быть вовлечена международным сообществом в его осуществление. Именно поэтому южнокорейская дипломатия предприняла беспрецедентные дипломатические усилия, которые увенчались организацией в целом успешных встреч руководителей КНДР и Республики Корея в апреле 2018 г., чтобы создать возможность для проведения первой в истории американо-северокорейской встрече на высшем уровне в июне 2018 г.

Руководство Китая исходит из того, что в международном сообществе пока не сформировалась единая позиция по отношению к северокорейской ядерной проблеме; позиции ключевых держав – США, Китая и Рос-

сии – отличаются, а значит северокорейская проблема – международная и решать ее надо на международном уровне, но денуклеаризация Корейского п-ова в интересах всех участников межкорейского политического процесса, а китайское посредничество будет отражать усиливающуюся роль Китая на международной арене.

Руководство Республики Корея при этом считает, что у страны нет другого пути, кроме как присоединиться к международным санкциям в отношении северокорейского политического режима; однако при этом надо оставить место для диалога, нацелив его на окончательную денуклеаризацию Корейского полуострова и не допустить опасного соперничества «великих держав» в регионе. При этом южнокорейское руководство хотело бы попутно получить от США передовые военные технологии и добиться еще более прочных гарантий американо-корейского военного союза.

В ходе последнего по времени усиления конфликтности на Корейском полуострове военно-политическое руководство РК добилось согласия США на предоставление новейших военных технологий, размещения подводных лодок в акватории вокруг Корейского полуострова, а также согласия командования США на увеличение веса южнокорейских артиллерийских боеприпасов до 500 кг, что, при определенных условиях, даст возможность использовать на Корейском полуострове корейские артиллерийские системы, в том числе и с поставленными американским союзником на определенных условиях тактическими ядерными боезарядами, если это потребуется в связи с неожиданным ухудшением военно-политической ситуации на Корейском полуострове.

США не только подтвердили, но за последнее время и усилили свои военно-политические связи с ближайшими союзниками в регионе Корейского полуострова. США объявили во время президентства Б. Обамы и сохранили в ядерной доктрине при президентстве Д. Трампа условия нанесения упреждающего ядерного удара, однако характер этих условий не раскрывается. США была произведена крупнейшая после 1945 г. передислокация флотов и авианос-

ных групп, проведены три испытания межконтинентальных баллистических ракет Минитмен III; самолеты F-15 и B-1, в том числе и в версиях, способных нести ядерные боеприпасы, начали патрулирование территорий, непосредственно примыкающих к границам Северной Кореи, а также «через» территорию или в секторах, пересекающих территорию Северной Кореи; 12 самолётов F-35A Stealth были размещены на 6 месяцев на территории японской военной базы в акватории, прилегающей к КНДР; было инициировано патрулирование акватории американскими подводными лодками, в том числе как минимум одной, способной нести ракеты с ядерными боезарядами. Боезапас, размещенный на американской военной базе на о. Гуам был увеличен на 10%. Таким образом, программе северокорейских ядерных испытаний и испытаний средств доставки был дан исчерпывающий военный ответ. Однако продолжает сохраняться интрига при ответе на главный вопрос: каковы военно-политические условия нанесения США военного удара, в том числе и ядерным оружием, для обеспечения своих национальных интересов и защиты военно-политических союзников в регионе? Эти тенденции сделали возможным диалог между высшими руководителями КНДР и Республики Корея, а также открыли перспективы для встречи на высшем уровне КНДР-США, перспективы которой остаются достаточно неопределенными. Не имея гарантий успешности этой встречи с точки зрения своих политических интересов, Д. Трамп в своей своеобразной манере – письмом в Твиттере – отложил встречу до лучших времен, поставив процесс снижения напряженности на Корейском полуострове в зависимость от дальнейших шагов американской дипломатии, однако в конечном счете согласился на встречу фактически без всяких предварительных условий.

В послании 2018 г. Президента РФ Федеральному собранию было показано, что Российская Федерация обладает новыми средствами военно-политической защиты своих интересов при любом развитии ситуации как в регионе, так и в мире и полностью восстановила свой статус первоклассной военной

супердержавы. В тоже время надо понимать, что средства стратегического сдерживания – это оружие «судного дня», последствием применения которого будет катастрофа планетарного масштаба. Такого рода средства подтверждают стратегическую стабильность, но одновременно никак не усиливают невоенные инструменты международного и регионального взаимодействия. Не решает это оружие и вопрос обеспечения экономического роста, развития, а также выхода из дипломатической изоляции. Именно поэтому Россия, как и Китай, выступают за разрешение ядерной проблемы Корейского п-ова политическими и дипломатическими средствами.

В этих условиях суживается поле для маневра прагматически и конструктивно мыслящего сегмента политической элиты стран АТР-союзников США и одновременно возрастает желание части правящих кругов РК, Японии, а возможно и Тайваня (радикалы и крайне правые политические силы) иметь собственное ядерное оружие, что не встречает поддержки у военно-политического руководства США, поскольку такое развитие ситуации практически полностью подорвет международный режим ядерного нераспространения. Чтобы этого не произошло, военно-политическое командование США инициировало «диалог по сдерживанию» и сформировало механизм военных связей с союзниками в регионе, согласившись на усиление военных возможностей своих союзников путем расширения военных поставок и предоставления им передовых военных технологий. Цель этих мер – запуск асимметричного механизма «расширенного сдерживания» с акцентом не столько на сдерживание вероятного регионального противника – Северной Кореи, сколько на то, чтобы убедить американских региональных военно-политических союзников, что они не будут оставлены один на один с ядерной Северной Кореей, если ситуация будет развиваться по наименее благоприятному сценарию.

В тоже время внутриполитическая ситуация в самих США остается сложной. Сенатор Л. Грэм уже заявлял в 2017 г., что вероятность войны в регионе будет увеличиваться, если Северная Корея полностью не откажется от ядерного арсенала. Отсутствие

однозначного внутривнутриполитического консенсуса в США по этому вопросу усиливает опасения военно-политических кругов Южной Кореи и Японии, что существует опасность одностороннего американского вмешательства на Корейском п-ве в ситуации, когда военно-политическое руководство США при определенных условиях может поставить своих союзников перед свершившимся фактом такого вмешательства. Нанесение ракетного удара по террористам в Сирии во время нахождения руководителя Китая в резиденции Д. Трампа во Флориде и перенос США своего посольства в Иерусалим показывают, что вероятность принятия республиканским президентом такого рода решений без консультаций со своими союзниками весьма велика.

«Тайваньская» проблема

Несмотря, казалось бы, на отход этой проблемы в регионе на второй план существует два важных момента, которые требуют пристального внимания. Первое – прямой телефонный звонок американского президента высшему руководителю островной части Китая (Тайвань) Цай Инвэнь после ее победы на выборах. Такое произошло впервые после 1945 г. Несмотря на то, что Д. Трамп позже подтвердил неизменность политики США в отношении «одного Китая», этот звонок некоторыми зарубежными аналитиками рассматривается как теоретическое подтверждение возможности изменения позиции США по отношению к осуществляемой ими с 1979 г. политики в отношении Китая. Еще одно объяснение этого звонка связано с необходимостью подчеркнуть проблему выбора для китайского руководства – поддержка, пусть и молчаливая, позиции северокорейского режима по вопросу «легализации» его ядерного статуса может привести к изменению позиции США по вопросу «одного Китая». Возможность такого рода практических шагов администрации Д. Трампа уже подтверждена, в частности, изменением позиции США по вопросу статуса Иерусалима. Осуждение неконструктивной до начала 2018 г. военно-политической позиции северокорейского руководства и поддержка по-

зиции мирового сообщества, направленной на денуклеаризацию Корейского полуострова, сохранит статус-кво по вопросу «одного Китая», что гораздо более важно для китайского руководства, чем возможный ядерный статус северокорейского режима, чреватый фундаментальными сдвигами в системе безопасности региона, в том числе и с трудно прогнозируемыми для самого Китая последствиями ядерного усиления суверенитета Северной Кореи и возможной ответной нуклеаризации соседних государств.

Второй момент, связанный с «тайваньским вопросом», упирается в «проблему 2020», когда усиление напряженности по берегам Тайваньского пролива во время очередных выборов высшего руководителя Тайваня, может привести не только усилению давления на остров со стороны континентального Китая, но и использоваться как предлог для изменения существующей практики ухода высшего руководителя континентальной части Китая из большой политики после завершения второго срока и введение практики третьего срока в дополнение к неограниченному сроку нахождения на посту для Председателя КНР и его заместителя, что уже подтверждено изменениями 2018 г. в китайской конституции. Реакцию США и мирового сообщества на такой поворот событий трудно спрогнозировать в нынешней ситуации. Именно поэтому такого рода изменения, но промежуточного характера, и были инициированы китайским руководством в 2018 г.

Южно-Китайское море

Несмотря на продолжающуюся политику закрепления китайского влияния на островах Южно-Китайского моря и периодическое усиление напряженности, военно-политическое руководство континентального Китая не смогло добиться полного контроля над этим регионом. Соответственно Китай продолжит политику строительства искусственных островов и военных баз, что будет приводить к аналогичной, но меньшего масштаба из-за наличия меньших финансовых возможностей политике других государств-соседей Китая в этом районе, а также к пристальному вниманию к этому

региону как минимум командования 7-го флота США. Военно-политическое руководство Китая запустило программу строительства авианосцев, в том числе с атомной двигательной установкой и, возможно, электромагнитной катапульты. Китай стал третьим в мире государством (после США и Великобритании), способным строить «супер-авианосцы» водоизмещением более 70000 т. Китайская программа строительства авианосцев будет только наращиваться, предусмотрен ввод в эксплуатацию 4-6 авианосных групп в следующие 5 лет. Это позволит КНР усилить свое военно-политическое присутствие в районе о-вов Спратли и ЮКМ и усилить военно-политическое давление, в том числе на страны АСЕАН. Усиление китайского давления несомненно вызовет ответные меры ассиметричного характера в регионе, которые пока прогнозировать затруднительно.

Таким образом, военно-политическая ситуация в АТР продолжит меняться и усложняться, она будет прежде всего зависеть от позиций и политики США и Китая в регионе.

Для политического руководства США до конца все еще не определена степень вовлеченности в дела Азии¹¹. В тоже время политика США в регионе будет определяться пятью геополитическими вызовами:

- продолжающимся фрагментированием мирового порядка, основанного на существующих нормах и правилах, которые сложились в условиях абсолютного унитаризма США на мировой арене;

- продолжающимся экономическим подъемом Восточной Азии, ВВП государств которой увеличится в 2 раза к 2020 г. в сравнении с 1990 г., а также новой долгосрочной ситуацией, которая характеризуется тем, что хотя большинство государств Азии и рассматривают США как главную экономику мира, но Китай при этом становится и останется в среднесрочной перспективе важным фактором экономического развития в регионе.

- представлениями о том, что США отстают на международной арене, что будет

¹¹ Hauner, Milan. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. New York: Routledge, 1992.

подпитывать сомнения союзников в надежности партнерства с США;

– увеличением номенклатуры глобальных проблем, которые актуальны, но при этом никак не решаются (изменение климата, деградация окружающей среды, распространение деструктивных идеологий, финансовых ресурсов и инструментов, технологий, киберпреступности и др.), усиливают локальную конфликтность и теневую глобализацию;

– ослаблением глобальной управляемости. И демократические, и авторитарные режимы в настоящее время в равной степени имеют проблемы с легитимностью правления, оба главных соперничающих типов политических режимов не сформировали модель устойчивого роста и справедливого распределения экономических благ, эффективность решения сложных проблем не повышается, а коррупция никак не изживается.

Снижение эффективности глобальной управляемости и проблемы с легитимностью и эффективностью как режимов демократического, так и авторитарного типов начинают влиять в регионе АТР на принцип невмешательства во внутренние дела: подрывается принцип ядерного нераспространения, происходит уничтожение коралловых рифов как целостной экосистемы, происходит намыв искусственных островов, не решается проблема беженцев, киберпреступности, религиозного насилия и терроризма.

Неопределенность относительно развития военно-политической обстановки в регионе в целом усилилась из-за планомерно возросшей непредсказуемости США, вызванной осуществлением политики “*Americas's First*” в ответ на попытки ускорить делигитимизацию существующих норм международного права и агрессивно ослабить американское влияние в мире, ослабления и подрыва принципа конструктивности международного взаимодействия, неясности китайской альтернативы и непрозрачности китайской военной политики в целом и в регионе АТР в частности, а также из-за обострения ситуации на Корейском полуострове, вызванной испытаниями северокорейским политическим режимом ядерного оружия и его средствами достав-

ки. Это усложнило другим государствам, в том числе и России, проведение вышесказанной самостоятельной сбалансированной конструктивной политики в регионе, направленной на повышение безопасности, стабильности в интересах экономического роста и повышения благосостояния собственной страны.

Интересы США в целом и в регионе АТР в частности стали менее идеологическими и более подчиненными геополитическому императиву. США теперь, и в том числе в регионе АТР, ориентированы на полное восстановление американского влияния как решающей силы. Усилилась роль персонального фактора Д. Трампа в американской политике – не стоит сомневаться, что при нынешнем президенте у американской администрации при определенных обстоятельствах не будет никаких колебаний, свойственных президентам-демократам, по поводу применения военной силы (в том числе и ядерного оружия). Внешняя политика США при Д. Трампе будет покоиться на новой основе:

– *в отношении своих союзников* – заставить их как можно полнее разделить бремя ответственности за военно-политическую стабильность в регионе и ускоренное экономическое развитие Индо-Тихоокеанского региона (Индо-Пасифики), а также экономические, политические, военные и другие риски;

– *в отношении других государств в регионе* – предложить им на условиях добровольного участия совместное развитие на основе привлекательной рыночной экономической и политической модели полиформатного и многостороннего регионального развития, без навязывания этой модели, без прямого американского лидерства, но в условиях стабильной военно-политической обстановки и функционального единства, максимально выведя географически этот новый регион из сферы соприкосновения с китайской экономической системой и минимизируя внешнеполитическое, экономическое и военно-политическое сотрудничество с государствами, не вошедшими в эти макрорегионы нового функционально-географического типа;

– в отношении вероятных противников или государств, осуществляющих политику, направленную на максимально быструю деконструкцию существующей мировой системы военно-политической стабильности, а также конструирующих альтернативные региональные подсистемы на антиамериканской основе – максимально затормозить их развитие на самостоятельной или коалиционной основе всеми возможными национальными и коалиционными дипломатическими, внешнеполитическими, финансово-экономическими и военно-политическими средствами, но не путем прямого военно-политического противостояния, а на основе долгосрочной гибридной политики изматывающего типа, одновременно максимально «развязав себе руки» выходом из всех возможных международных соглашений, суживающих дипломатический или военно-политический маневр американской администрации и связывающих модель национального развития, направленную на восстановление американской мировой мощи.

Происходить это будет в рамках новой доктрины США – «реализма, основанного на принципах» (*principled realism*), возможно, в противовес, а возможно и во взаимозависимости с «моральным реализмом» в политике Китая. Таким образом, при усиливающейся американо-китайской экономической конкуренции не исчезает возможность конструктивного взаимодополнения этих двух доктрин и формирования на этой основе прагматичного американо-китайского глобального взаимодействия. Оценка ситуации в АТР, не представляющая в целом серьезного вызова для США, будет основана на основополагающей идее «Америка превыше всего», что будет являться самым главным внутривнутриполитическим ограничителем для политики США в регионе. Соответственно уменьшатся стратегические и тактические обязательства США, как в отношении НАТО и военно-политических союзников США в регионе, так и в отношении неамериканской региональной повестки. Такая ситуация увеличит окно возможностей для Китая по увеличению его глобального и регионального влияния, одновременно не увеличивая

напрямую китайско-американскую конфликтность. Представляется возможным, что развитие ситуации в этом направлении позволит России более четко сформировать свою Тихоокеанскую политику и четче позиционировать свое конструктивное наступательное присутствие в Большой Восточной Азии. Восточная Азия не станет единственным геополитическим приоритетом для США, поскольку Д. Трамп вернул в американскую внешнеполитическую повестку Ближний Восток, но для США, таким образом, будет объективно расширяться свобода военно-политического маневра в регионе.

Новая политика США, возможно, предоставит возможность Китаю решать проблему замедления экономического роста через расширение своей глобальной и региональной политики. Такая возможность для Китая хорошо осознается как администрацией Д. Трампа, так и американским внешнеполитическим истеблишментом, и силовым сообществом. Это вызывает в США, странах западной коалиции и в мире в целом ожесточенную дискуссию. При этом Китай в своей политике в регионе будет добиваться:

- безусловного признания своих позиций по территориальному вопросу, прежде всего в акватории ЮКМ, в Центральной Азии, а в долгосрочной перспективе вполне возможно, что де-факто и в Сибири, и на Дальнем Востоке;

- достижения преобладающего политико-экономического и военно-политического влияния в Юго-Восточной и Центральной Азии, усиления своего влияния в Индийском океане;

- решения территориальных вопросов на «китайских условиях»;

- достижения фактического признания особых отношений КНР с Монголией и фактически особого геополитического и военно-политического положения Китая в Центральной Азии;

- создания дипломатических условий императивной ориентации на Китай фактически в ущерб отношениям с другими странами, но максимально осторожно подчеркивая «особый характер» отношений других стран с Китаем;

– проведения в регионе торгово-инвестиционной политики, дружественной и экономически выгодной Китаю;

– признание косвенной ведущей роли Китая в АТР и Евразии в форме неформальных, но фактически обязательных консультаций с Китаем перед принятием важных решений геополитического, экономического и военно-политического характера и нацеленных на расширение в регионе прокитайской коалиции;

– обеспечения согласия других стран готовности принять китайскую рабочую силу и иммигрантов;

– укрепления де-факто особых прав китайских меньшинств за рубежом и признания прав Пекина осуществлять их защиту;

– продвижение и расширение употребления китайского языка в том числе и с целью достижения двуязычия в районе компактного проживания этнических китайцев в регионе.

Литература:

19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. - 2018. - № 2. - с. 140-159.

Блохин К. В поисках стратегических приоритетов // Национальная оборона. - 2017. - № 2.

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй Мировой войны. – М.: Конверт-МОНФ, 1997.

Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации. – М.: МГИМО Университет, 2010.

Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». – М.: РСМД, 2016.

Гилев А. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т.12 – № 5.

Каница Л.М. Индикаторы мирового развития. – М.: МГИМО Университет, 2016.

Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2016.

Кондратов А.И. Модель внешнеполитической деятельности государства. – М.: Издательство РАГС, 2010.

Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав / отв. Ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. – М.: Юстицинформ, 2011.

Международное экономическое сотрудничество в новых реалиях. Специальный выпуск к неделе российского бизнеса // Новости АТР. – № 1(9).

Мировая экономика. Прогноз до 2020 г. / Под ред. А.А. Дынкина. – М.: Магистр, 2007.

На пути к реализации стратегических инициатив КНР и России. Специальный выпуск к визиту Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию // Новости АТР. – No. 2 (7).

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО, 2014.

Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина. – М.: ДеЛи плюс, 2016.

Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / Александрос Петерсен при участии Катинки Барыш. – М.: Моск. Центр Карнеги, 2012.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр-Инфра-М, 2016.

Прогноз стратегий стран тихоокеанского пространства / отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2017.

Россия и мир в 2020 г.: Контуры тревожного будущего. – М.: Эксмо, 2015.

Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузынина, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. – М.: ДеЛи плюс, 2017.

Современный Китай в условиях трансформации / отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. – М.: ЛЕНАНД, 2015.

Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А.А. Дынкина. – М.: Магистр, 2011.

Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО Университет, 2016.

Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и международная экспертиза. – М.: Аспект-Пресс, 2015.

American Australian and Japanese Perspectives on a Changing Security Environment // *CCC PASC Reports*, 2016, No. 2.

Bergsten, C. Fred and the Institute for International Economics. The United States and the World Economy. Washington, DC: Institute for International Economics, 2005.

Cheng, Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016.

Clegg, Jenny. China's Global Strategy. London & New York: Pluto Press, 2009.

Cordesman, A.H.; Collay, C.; Wang, M. Chinese Strategy and Military Modernization in 2015 // *A Comparative Analysis*. CSIS, December, 2015.

Cronin, Patrik. Trump's Post-Pivot Strategy // *The Diplomat*, November 11, 2017.

Dayly, Robert. Donald Trump Asia's Trip // *Newsweek*, November 20, 2017.

Feuchtwang, Stephan; Steinmuller, Hans. China in Comparative Perspective. Singapore: World Scientific, 2017.

Haggard, Stephan; Myung Hwan Yu. Trump in Asia // *Global Asia*, Vol. 12, No. 4, Winter 2017.

Hauer, Milan. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. New York: Routledge, 1992.

Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

Kim, Joonhyung. Evaluating Trump's Visit to South Korea // *East Asia Foundation Policy*, 2017, No.85.

Lee, Bernice. The Security Implications of New Taiwan. London: IISS Adelphi Paper, No. 331.

Mills, Daniel Quinn; Rosefelde, Steven. The Trump Phenomenon and the Future of US Foreign Policy. Singapore, London, Mumbai, New York: World Scientific, 2016.

Opportunity, Security Strength: The 2017 Foreign Policy White Paper // *Australian Department of Foreign Affairs and Trade*, November 23, 2017.

Overholt, William H.; Ma Guonan; Chewng Kwok Law. Renminbi Risisng. A New Global Monetary System Emerges. Chichester: John Wiley & Sons, 2016.

Pandolfe, Frank C. The Evolution of Modern U.S. Naval Strategy // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Rubel, Robert C. Exporting Security. China, the United States, and the Innovator's Dilemma // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No. 2.

Rubel, Robert P. Posture versus Presence. The Relationship between Global Naval Engagement and Naval War-Fighting Posture // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Shambaugh, David. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. Washington, DC.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Shambaugh, David. China's Future. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography and the Evolving balance of Power, 1996-2017 // RAND, California, 2015.

Van Jackson. Tactics of Strategic Competition. Grey Zones, Redlines, and Conflicts before War // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No.3.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

Wang Yi Briefs on Mar-a-Lago between Heads of State of China and the US // *Chinese Foreign Ministry*, April 8, 2017.

Yip, George S.; Mckern, Bruce. China's Next Strategic Advantage. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2016.

Zhao Hong. The South China Sea and China-ASEAN Relations // *Trends in South-East Asia*, 2014, No. 6.

Вэй Лихуа. Нэньюань боьи дачжань (Борьба за ресурсы. Самый большой вызов судьбе человечества). Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2007. (кит./Chinese)

Инду Цзюэци юй Чжун-Ин Гуаньси (Подъем Индии и китайско-индийские отношения). Пекин: Дандай шицзе чубаньшэ, 2006. (кит./Chinese)

Лю Минфу. Чжунго мэн (Китайская мечта). Пекин: Чжунго ючи чубань гунсы, 2013. (кит./Chinese)

Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК / CPC.PEOPLE.COM.CN: информационный ресурс «Жэньминь Жибао онлайн». Режим доступа: <http://src.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (кит./Chinese)

Цзюньши Тэкань. Цзюньши Цинбао (Военный спецвыпуск. Военная информация). Пекин, б.г.: Бэцзинши гуңжэнь иншугуан. (кит./Chinese)

Чжунго 2020: Фачжань мубяо хэ цжэнцэ цюсян (Китай 2020: Цели развития и направление курса). Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2008. (кит./Chinese)

Чжунго шию аньцюань (Нефтяная безопасность Китая). Бэйцзин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. (кит./Chinese)

References:

19 s'ezd KPK: vneshnie i vnutrennie posledstviia i perspektivy reform v Kitae (19th National Congress of the Communist Party of China: Internal and External Effects and Prospects of China's Reforms) // *Sravnitel'naia politika (Comparative Politics Russia)*, 2018, No. 2, pp. 140-159.

American Australian and Japanese Perspectives on a Changing Security Environment // *CCC PASC Reports*, 2016, No. 2.

Bergsten, C. Fred and the Institute for International Economics. The United States and the World Economy. Washington, DC: Institute for International Economics, 2005.

Blokhin, K. V poiskakh strategicheskikh prioritetov (In Search of Strategic Priorities) // *Natsional'naia oborona*, 2017, No. 2.

Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane: istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi Mirovoi voiny (Great Powers in the Pacific: History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War). Moscow: Konvert-MONF, 1997.

Bol'shaia Vostochnaia Aziia: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO Universitet, 2010.

Cheng, Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016.

Clegg, Jenny. China's Global Strategy. London & New York: Pluto Press, 2009.

Cordesman, A.H.; Collay, C.; Wang, M. Chinese Strategy and Military Modernization in 2015 // *A Comparative Analysis*, CSIS, December, 2015.

Cronin, Patrik. Trump's Post-Pivot Strategy // *The Diplomat*, November 11, 2017.

Dayly, Robert. Donald Trump Asia's Trip // *Newsweek*, November 20, 2017.

Feuchtwang, Stephan; Steinmuller, Hans. China in Comparative Perspective. Singapore: World Scientific, 2017.

Gilev, A. Mnogomernaia voina i novaia oboronnaia strategiiia (A Multidimensional War and a New Defense Strategy) // *Rossiiia v global'noi politike*, 2014, T.12, No. 5.

Haggard, Stephan; Myung Hwan Yu. Trump in Asia // *Global Asia*, Vol. 12, No. 4, Winter 2017.

Hauner, Milan. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. New York: Routledge, 1992.

Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

Kapitsa, L.M. Indikatory mirovogo razvitiia (Indicators of World Development). Moscow: MGIMO Universitet, 2016.

Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i mezhdunarodnaia ekspertiza (Analysis of International Situations and International Expertise). Moscow: Aspekt-Press, 2015.

Kim, Joonhyung. Evaluating Trump's Visit to South Korea // *East Asia Foundation Policy*, 2017, No.85.

Kitai i Vostochnaia Evropa: zven'ia novogo Shelkovogo puti (China and Eastern Europe: Links of the New Silk Road) / Ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow: IMEMO RAN, 2016.

Kondratov, A.I. Model' vneshnepoliticheskoi deiatel'nosti gosudarstva (Foreign Policy Model of a State). Moscow: Izdatel'stvo RAGS, 2010.

Krizis i novaia povestka dnia dlia koreiskogo poluostrova i regional'nykh derzhav (Crisis and a New Agenda for the Korean Peninsula and Regional Powers) / Ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow: IMEMO RAN, 2018.

Kudrov, V.M. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sopostavleniia i problemy innovatsionnogo razvitiia (International Economic Comparisons and Problems of Innovative Development). Moscow: Iustitsinform, 2011.

Lee, Bernice. The Security Implications of New Taiwan. London: IISS Adelphi Paper, No. 331.

Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v novykh realiiakh. Spetsial'nyi vypusk k nedele rossiiskogo biznesa (International Economic Cooperation in New Realities. Special Issue for the Week of Russian Business) // *Novosti ATR*, No. 1(9).

Mills, Daniel Quinn; Rosefelde, Steven. The Trump Phenomenon and the Future of US Foreign Policy. Singapore, London, Mumbai, New York: World Scientific, 2016.

Mirovaia ekonomika. Prognoz do 2020 g. (World Economy. Forecast to 2020) / Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr, 2007.

Na puti k realizatsii strategicheskikh initsiativ KNR i Rossii. Spetsial'nyi vypusk k vizitu Predsedatelia KNR Si Tszin'pina v Rossii (On the Way to Implementing the Strategic Initiatives of the PRC and Russia) // *Novosti ATR*, No. 2 (7).

Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiia (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation) / Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO, 2014.

Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie dlia Rossii (New Silk Road and Its Significance for Russia) / Ed. by V.E. Petrovsky, A.G. Larin. Moscow: DeLi plus, 2016.

Opportunity, Security Strength: The 2017 Foreign Policy White Paper // *Australian Department of Foreign Affairs and Trade*, November 23, 2017.

Overholt, William H.; Ma Guonan; Chewng Kwok Law. Renminbi Risisng. A New Global Monetary System Emerges. Chichester: John Wiley & Sons, 2016.

Pandolfe, Frank C. The Evolution of Modern U.S. Naval Strategy // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Petersen, A. Rossiia, Kitai i energeticheskaiia geopolitika v Tsentral'noi Azii (China and Energy Geopolitics in Central Asia). Moscow: Mosk. Tsentr Karnegi, 2012.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (The Practice of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr-Infra-M, 2016.

Prognoz strategii stran tikhookeanskogo prostranstva (Forecast of Strategies of the Countries of the Pacific Space) / Ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow: IMEMO RAN, 2017.

Rossiia i mir v 2020 g.: Kontury trevozhnogo budushchego (Russia and the World in 2020: Contours of an Alarming Future). Moscow: Eksmo, 2015.

Rubel, Robert C. Exporting Security. China, the United States, and the Innovator's Dilemma // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No. 2.

Rubel, Robert P. Posture versus Presence. The Relationship between Global Naval Engagement and Naval War-Fighting Posture // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Shambaugh, David. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. Washington, DC.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Shambaugh, David. China's Future. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

Sovremennye rossiisko-kitaiskie otnosheniia (Modern Russian-Chinese Relations) / Ed. by S.G. Luzianin, A.G. Larin, E.I. Safronova, I.V. Ushakov, E.V. Belilina. Moscow: DeLi plus, 2017.

Sovremennyi Kitai v usloviiakh transformatsii (Modern China in Transformation) / Ed. by D.V. Kuznetsov, D.V. Buiarov. Moscow: LENAND, 2015.

Strategicheskii global'nyi prognoz 2030 (Strategic Global Forecast 2030) / Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr, 2011.

Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii: kol. monografiia (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO Universitet, 2016.

The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography and the Evolving balance of Power, 1996-2017 // *RAND*, California, 2015.

Van Jackson. Tactics of Strategic Competition. Grey Zones, Redlines, and Conflicts before War // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No.3.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia «Rossiia i Kitai: k novomu kachestvu dvustoronnikh otnoshenii» (The Second International Conference "Russia and China: Towards a New Quality of Bilateral Relations"). Moscow: RSMD, 2016.

Wang Yi Briefs on Mar-a-Lago between Heads of State of China and the US // *Chinese Foreign Ministry*, April 8, 2017.

Yip, George S.; Mckern, Bruce. China's Next Strategic Advantage. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2016.

Zhao Hong. The South China Sea and China-ASEAN Relations // *Trends in South-East Asia*, 2014, No. 6.

Indu Jueqi yu Zhong-In Gianxi (The Rise of India and Chinese-Indian Relations). Beijing: Dangdai shijie chubanshe, 2006 (in Chinese).

Junshi Tekan. Junshi Qingbao (Military Special Issue / Military Information). Beijing: Beijing gongren yingshuguang, no date (in Chinese).

Lu Mingfu. Zhongguo Meng (A Chinese Dream). Beijing: Zhongguo youchi chuban gongsi, 2013 (in Chinese).

Wei Lihua. Nengyuan Boyi Dazhan (The Struggle for Resources). Beijing: Xin shijie chubanshe, 2007 (in Chinese).

Xi Jinping. Report to the 19th Congress of the CPC / CPC.PEOPLE.COM.CN: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (in Chinese)

Zhongguo 2020: Fazhan Mubiao he Zhengce Quxiang (China 2020: Development Goals and the Course Destination). Beijing: Zhongguo fazhan chubanshe, 2008 (in Chinese).

Zhongguo Shiyou Anquan (China's Petrol Security). Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2003 (in Chinese)

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145>

NEW PACIFIC STRATEGIES: OPPORTUNITY OR REALITY? INFLUENCE OF THE “CHINESE FACTOR” ON THE SITUATION IN EURASIA AND THE ASIA-PACIFIC REGION

Alexei D. Voskressenski

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: Received: Accepted:</p> <p style="text-align: right;">2 April 2018 11 May 2018</p>	<p>Abstract: The article analyzes the essence of the new strategic moment in the region and the influence of the “Chinese factor” on the situation in Eurasia and the Asia-Pacific region. The author discusses the components of the “Chinese factor”, its practical consequences, as well as its foreign policy, military and political significance. The article shows how applied issues can be transformed into foreign policy and military doctrines, determine practical foreign and military policies, the system of international relations and political affairs in the region. The author briefly reviews the key aspects of regional doctrines of leading states in the region, makes assumptions about the possible evolution and modification of these doctrines in the future and formulates the conditions that might determine the practical steps of the regional powers. The article also assesses the possibility of emergence of new Pacific strategies in the region and examines their main parameters.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, PhD (Manchester University), Professor, Director of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Professor, Department of Asian and African Studies, School of International Relations, MGIMO University e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words:: Russia; China; PRC; USA; Japan; North Korea; The Republic of Korea; Russian-Chinese relations; China-US relations; the Korean nuclear problem; Asian-Pacific area; Eurasia; Pacific Asia; Indo-Pacific; Chinese Dream</p>	

Для цитирования: Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 128-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145

For citation: Voskressenski, Alexei D. Novye tikhookeanskie strategii: vozmozhnost' ili real'nost'? vlianie «kitaiskogo faktora» na obstanovku v Evrazii i Aziatsko-Tikhookeanskom regione (New Pacific Strategies: Opportunity or Reality? Influence of the “Chinese Factor” on the Situation in Eurasia and the Asia-Pacific Region) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 128-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145